

Арпентьева Мариям Равильевна
Калужский государственный университет
имени К. Э. Циолковского
г. Калуга, Россия

АЛЛОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ДИСКУРСА И ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ДРУГОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: аллогический подход, кросс-культурные универсалии, дискурсные практики.

Обучение иностранным языкам в вузе, академический дискурс вузовского обучения складываются несколькими путями. Эти пути рассматриваются в рамках активно развивающегося аллогического подхода, осуществляется изучение само-бытия человека – как встречи с самим собой, самоосуществления, со-бытия человека с человеком: как встречи Своего и Чужого (Другого), попытки осмысления ими себя и друг друга и ино-бытия как превращения Своего в Чужое и Чужого – в Свое.

Такого рода отношения предполагают осознание единства разного: «своего» и «чужого», «Я» и «Другого». Поэтому неудивительно, что одно из наиболее перспективных направлений социально-философских отечественных и зарубежных феноменологически-ориентированных исследований понимания представлено аллогическими или ксенологическими исследованиями: изучение взаимопонимания Своего и Другого, Собственного и Чужого. Это направление работ заставило исследователей еще раз обратить на проблему экологичности познания и понимания, субъектности понимания, существование различных критерии его адекватности особое внимание. Особенно важным и продуктивным ксенологический подход становится при обсуждении вопросов понимания и взаимопонимания в контексте проблем межкультурной адаптации, межкультурного взаимодействия и освоения культуры и ее языка (обучении), проблем межкультурной личностной и массовой коммуникации.

В этой сфере сопоставление роли и функций кросс-культурных различий и универсалий в ценностях, способах осмысления реальности и в поведенческих паттернах представителей разных культур является весьма перспективным направлением социально- и культурно-философских исследований, позволяющих разработать новые подходы к установлению взаимопонимания между представителями различных культур, формированию межкультурной компетентности.

Освоение Другого в контексте практик обучающего общения и теоретическое осмысление роли Другого как фактора его успешности связано именно с попытками осмыслиения общефилософских, социологических, исторических и психологических подходов к осмыслиению человеческой жизни как полилога. Общий контекст осмыслиения проблемы связан с пониманием того, что человеческое бытие протекает в контексте со-бытия с другими людьми, при этом человеческое бытие осмысленно и подлежит осмыслиению. Оно и есть осмысление (понимание). Человеческое сознание (понимание) всегда включает в себя осознание себя в контексте других людей и наоборот – осознание других людей в контексте собственных смыслов. Бытие человека имеет смысл, создаваемый в процессе со-творчества с другими людьми, понимание человеком себя и мира интенциально носит ценностный характер.

В исследованиях В. Налимова понимание представлено как процесс порождения новых смысловых «фильтров», отвечающих новым ситуациям, задаваемым новыми текстами (выступающих в ситуации в качестве субъектов и объектов понимания). Это не только и не столько познавательный, сколько онтологический процесс: понимание смыслов – это всегда владение смыслами, осуществляющееся путем творческой «распаковки» исконно заложенного в мироздании. «Понимание – это приближение понимаемого текста к самому себе путем порождения фильтра понимания, приближающего чужой текст, чужую смысловую ориентацию к своей собственной. Понимание – способность найти в чужом тексте свое или, может быть, серьезнее, – найти самого себя новым в чужом». Мир (и человек как его часть), по представлениям философов и психологов экзистенциально-гуманистической школы, есть «онтологизированный текст» – текст, обладающий собственным бытием, т. е. воплощающий собственные смыслы, раскрытие которых происходит во взаимодействии компонентов текста друг с другом и во взаимодействии одного текста с другими, воплощающими те же или иные смыслы – разными или сходными способами. Я и другой, человек и его мир – две части одного целого, находящие друг в друге свое осуществление.

Содержательным показателем особенностей понимания себя как другого выступают стратегии понимания – способы формирования смысла, репрезентации знаний о мире, о другом и о себе, лежащие в самих подходах к пониманию и его исследованию. Все множество работ, посвященных проблеме понимания, можно разделить на три группы, рассматривающие его как: а) обнаружение уже существующего, присущего ситуации смысла-значения; б) создание смысла, не заданного изначально; в) возникновение смысла в процессе диалога как «со-значения». Каждое из этих направлений представляет специфическую стратегию понимания человеком самого себя и мира, взаимодействия его ино-бытия и само-бытия, возможностей и ограничений взаимопонимания как со-бытия.

Современная культура диалогична. Поиск новых форм интерсубъектного взаимодействия, попытки выхода из-под «власти монолога» (власти монологического дискурса) связаны в первую очередь с разрушением «монолога власти» (коренным преобразованием обуденных представлений о ее сущности, функциях и путях реализации). Кроме отказа от каких-либо «правил», законов и идеологии, от познания и понимания происходящего, нерефлексивное и нерефлексирующее себя «бытие-в мире» (власть переходит к ситуации: именно она решает, как надо поступить, что должен сделать человек в тех или иных обстоятельствах) можно выделить три типа такого рода попыток:

1. Попытки создания «привилегированных», регулируемых «метаценностями» бытия, систем. «Элитарный» дискурс означивает конкретную ситуацию социального взаимодействия, определяет способы ее объяснения и необходимые воздействия, выполняя функции оценки, «осуждения» поступков как не- и соответствующих его (моральным и идеологическим) нормативам.

2. Плюрализм как «попытка охватить решительно все» во многом опирается на идеалы индивидуализма и демократии, пытаясь осмыслить происходящее в терминах и с позиции тех, с кем оно происходит, и помочь найти оптимальный (правильный) выход из той или иной проблемной ситуации.

3. Следующий тип связан во многом с попыткой осмысления человеческого бытия как «бытия-с-миром» («взаимопроникновения человека в мире и мира в человеке» – по С. Л. Рубинштейну) и осознания принципиальной невозможности существования абсолютно интегрированных и сбалансированных социальных структур и представлений о них. «Дрейфуя» между множеством различных идеологических «островов», человек стремится выделить те самые «несуществующие» правила и законы аутентичного бытия, от которых он ранее отказался, соотнести «реальное» и «идеальное», понять тот или иной социальный феномен (человека, поступок, ситуацию) как нечто, что расположено «между» ними и требующее ответа. Отвечая же, стремится быть искренним: поступать «здесь-и-теперь» так, как он хочет и может. Власть локализована «между» людьми и выполняет функции проектирования социальной реальности, обретая подлинную процессуальность и диалогичность.

Выделенные стратегии понимания обладают разными диалогическими потенциалами, провоцируя возникновение того или иного типа речи, ситуации общения и выбор той или иной «формы дискурса»: практической, вращающейся вокруг справедливости поступков («судебная речь») и правильности самой речи («дидактическая речь»), являющейся исторически наиболее древней, теоретической, вращающейся вокруг истинности высказываний («деловая речь» и деловая ситуация общения), и эстетической, возникающей в эпоху постмодерна, вращающейся вокруг искренности

чувств, аутентичности («карнавально-вынужденная речь» в «игровой ситуации общения») и характеризующейся специфическим контекстом осмысливания проблем: ориентацией на обобщенный опыт, доступный субъекту понимания в настоящий момент, ориентацией на типичное во внутреннем мире человека, соотносимое с нормативным знанием, и ориентацией на его индивидуальность и практическую объективность и т. д.

Названные стратегии обладают различными возможностями понимания другого («Чужого» опыта и культуры): во-первых, Чужое доступно как вариант общего как «Своего» и через формирование стилевой аналогии «означивается» ею, во-вторых, Чужое недоступно, его понимание осуществляется через сведение к смыслу Чужого, ведущее к его уничтожению, Чужое воспринимается как доступное лишь в опыте «непреодолимого отсутствия», в-третьих, часть исследователей полагает, что Чужое должно восприниматься как относительно доступное: его понимание возможно, если человек обладает желанием смотреть и понимать, определяется в со-бытии ответа. В со-бытии как воплощении ино-бытие и само-бытие, превращение и возвращение встречаются, в точке их пересечения возникает взаимопонимание: свое и Чужое становятся Своими. В ино-бытии и само-бытии Свое и Чужое расходятся, вступая в диалог со Своим Чужим и Чуждым Своим. Возникает величайшая иллюзия понимания самого себя или другого, преодолеваемая еще более внешне иллюзорным мигом «со-бытия со-бытия».

Таким образом, существует три основные модели изучения языка: три дискурсивные практики, в рамках которых наблюдаются весьма разные эффекты и возникают специфические ситуации общения, в разной мере способствующие продуктивному, точному, гибкому освоению чужого языка в условиях академического обучения. Академический дидактический дискурс во многом ограничивает мир обучения зазубриванием правильных с точки зрения формальной лингвистики сочетаний, академический деловой дискурс позволяет расширить пространство обучения, наполнив его конкретными ситуациями жизнедеятельности, в которых правила языка и сам язык воплощаются и изменяют субъекта, дискурс игры выходит за рамки академического, связан с усвоением языка как развитием человека и его отношения с миром, включение человека в процессы языкового творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. М. : Искусство, 1979.

Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер. М. : Республика, 1995.

Гадамер, Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г.-Г. Гадамер. М. : Прогресс, 1988. С. 80.

Каган, М. С. О труде С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» и его месте в истории современной философии / М. С. Каган // С. Л. Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы к 100-летию со дня рождения / ред. Б. Ф. Ломов. М. : РАН, 1989. С. 220–239.

Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.

Налимов, В. В. Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности / В. В. Налимов. М. : Прометей ; МГПИ им. В. И. Ленина, 1989.

О разработках проблемы Чужого в современной философской мысли // От Я к Другому : сб. пер. / под ред. А. А. Михайлова. Минск : Навука, 1997. С. 34.

Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет. М. : Весь мир, 1997.

Подорога, В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию (Материалы лекционных курсов 1992–1994 гг.) / В. Подорога. М. : Admarginem, 1995. С. 30–31, 144–145.

Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. М. : АН СССР, 1957.

Солер, К. Клинические уроки перехода / К. Солер // Логос. 1992. № 3. С. 178–189.

Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. М. : Весь мир, 2003.

McCulloch, G. Intentionality and interpretation / G. McCulloch // Current issues in philosophy of mind / ed by A. O'Hear. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. P. 253–273.